

Чжуан Цинхун тихо усмехнулся. Его движения были ленивыми и грациозными, словно у породистой персидской кошки, привезенной из дальних стран. Он не удержался и взъерошил волосы Чжуан Фэя — с недавних пор ему всё больше нравились подобные проявления близости.

Чжуан Фэй кивнул. Чжуан Цинхун спросил:

— Может, отдохнешь немного?

Он бросил взгляд на стоявшего рядом Сяоши. Тот, будучи человеком понятливым, тут же помог Чжуан Фэю пройти во внутренние покои. Чжуан Цинхун понимал, что ради приличий не может позволить себе лишнего — возможность просто отдохнуть здесь уже была пределом дозволенного.

Увидев, что Чжуан Фэй ушел, Чжуан Цинхун улыбнулся, взял книгу и сел у окна во внешней комнате, чтобы скоротать время.

Он читал уже довольно долго, когда, подняв голову, неожиданно увидел старого знакомого. Тот шел по дорожке, которую Чжуан Цинхун считал достаточно уединенной. Лицо Чжуан Цинхуна мгновенно похолодело.

Он отбросил книгу. Подумав о том, что Чжуан Фэй спит в соседней комнате, Чжуан Цинхун вышел навстречу незваному гостю. Раз уж визитер пришел с дурными намерениями, прятаться не было смысла.

— Цинхун, сколько же мы не виделись, — с насмешкой произнес Ци Цзин, глядя на него. Лицо перед ним было всё тем же, неземной красоты, но теперь оно казалось до боли неприятным.

Даже в тот момент, когда Ци Цзин осознал, что его использовали, он не испытывал к Чжуан Цинхуну такой неприязни. Это было отвращение, жгучее желание уничтожить человека.

Выражение лица Чжуан Цинхуна было не лучше. Он ненавидел Ци Цзина. Тот одним легким движением руки разрушил жизни их обоих, да еще и безнаказанно унижал Чжуан Фэя. Как ему было не ненавидеть его?

Но они были в Башне Длинного Ветра. Он не мог позволить себе действовать по велению сердца, у него еще не было права открыто выражать свои чувства. Поэтому Чжуан Цинхун лишь стал холоднее, проигнорировал насмешку и прямо спросил:

— Зачем пожаловали?

— Ты смеешь так разговаривать с Ван? — Ци Цзин, и без того сдерживавший гнев, наконец нашел выход для ярости. Он схватил Чжуан Цинхуна за горло, сжимая пальцы, и в его глазах полыхнула жажда убийства. — Мне следовало убить тебя тогда, на месте.

Несмотря на нехватку воздуха, Чжуан Цинхун сохранял спокойствие. Он смотрел на Ци Цина свысока и с трудом выдавил:

— Ты посмеешь убить меня на Цветочной улице? Прямо здесь, в Павильоне Дождя и Снега, на глазах у всех задушить меня?

Пальцы Ци Цина дрогнули. Он отшвырнул Чжуан Цинхуна в сторону, достал платок и с брезгливостью вытер руки.

— Я не стану тебя убивать. Я сделаю так, что ты будешь молить о смерти, но не получишь ее!

Чжуан Цинхун ударился о закрытую дверь. С огромным трудом удержавшись на ногах, он ухватился за косяк и насмешливо рассмеялся:

— Ха-ха-ха! Ци Цин, Князь Цинь, ты влюбился в Чжуан Фэя! Но он не любит тебя, совсем не любит! Ты — тот, кто причинил ему столько боли, ты не достоин ни капли его чувств!

Ци Цин сжал кулак и, вложив в удар всю мощь, замахнулся на лицо Чжуан Цинхуна.

— Ты ищешь смерти!

— Попробуй, — усмехнулся Чжуан Цинхун. — Ты знаешь, какое место я занимаю в сердце Чжуан Фэя. Тронь меня хоть пальцем, и он возненавидит тебя до мозга костей!

Кулак замер в дюйме от носа Чжуан Цинхуна.

Чжуан Цинхун, словно победитель, смахнул руку Ци Цина и гордо подошел к нему вплотную, прошептал:

— Разве я не знаю, какой ты лицемер? Полагаю, с самого первого раза, когда ты посмел осквернить Чжуан Фэя, ты уже был влюблен. А потом ты якобы защитил его, но не ожидал, что ради меня он опустится на самое дно. Ты думал, что всё под твоим контролем и всё идет по твоему сценарию... Ты настолько самонадеян, что это вызывает тошноту.

— Ты... — в голове Ци Цина загудело, гнев жег грудь.

— Потом ты выкупил его первую ночь, и я понял, что ты влюбишься в него! Три месяца ты воображал, что балуешь его, но на деле не проявлял ни капли уважения, лишь топтал его достоинство. Как он мог тебя полюбить? Увидев, что Чжуан Фэй принял Князя Дина, ты потерял голову, верно? Заставил его, принудил... Он сам говорил мне, что ты презираешь его, а он презирает тебя!

Ци Цин подавил желание убить его. Слова Чжуан Цинхуна вскрывали старые раны, вызывая гнев и раскаяние. Он понимал, что Чжуан Цинхун провоцирует его, и не был настолько глуп, чтобы поддаться. Сейчас, кроме Чжуан Цинхуна, никто не мог вернуть ему расположение Чжуан Фэя. Он не мог допустить, чтобы тот пострадал. Очевидно, Чжуан Цинхун это прекрасно

понимал.

— Не пытайся меня спровоцировать. Чжуан Фэй не может меня не любить, — сжал губы Ци Цзин. — Он позволял мне баловать себя, значит, питает ко мне чувства. Сейчас он просто капризничает.

— Самообман, — холодно усмехнулся Чжуан Цинхун и, наклонившись к самому уху Ци Цзина, понизил голос: — Чжуан Фэй никогда не полюбит тебя и не будет испытывать к тебе симпатии. Он стал продажным лишь потому, что ты погубил меня. Он с самого начала был противен тебе. А вспомни, как после твоих домогательств он хотел покончить с собой и три часа стоял на коленях в снегу. Его боль и раны — всё это твоих рук дело. Как он может относиться к тебе хорошо? Он никогда не полюбит тебя, еще и потому, что человек, которого он любит — это я.

Он отстранился, наслаждаясь тем, как Ци Цзин с трудом сдерживает ярость.

— Чжуан Цинхун! — жажда убийства в глазах Ци Цзина достигла предела. Лицо его помрачнело, во взгляде читалась кровавая угроза. — Я не могу покончить с тобой открыто, но на Цветочной улице люди умирают часто. У меня найдется тысяча способов сделать так, чтобы ты страдал и ушел из жизни бесшумно!

— О, ты думаешь, Чжуан Фэй глуп? — Чжуан Цинхун посмотрел на него. — Ты не знал? Чжуан Фэй служил мне в поместье, он знает мою ситуацию досконально. В Башне Длинного Ветра он лучше всех осведомлен о моем положении. Если со мной что-то случится, как ты думаешь, на кого он подумает в первую очередь?

Грудь Ци Цзина тяжело вздымалась, но вдруг он рассмеялся.

— Думаешь, у меня нет способов справиться с тобой? Думаешь, я обязан его баловать? Это лишь потому, что он еще не познал настоящих страданий! — Ци Цзин внимательно изучал Чжуан Цинхуна, наблюдая за малейшим изменением на его лице. — Главный павильона, в конце концов, всего лишь продажная девка. Пока кто-то тебя возносит, ты высоко ценишься, а нет — так ты просто ничтожество! Скажи, неужели у меня нет способа заставить Чжуан Фэя страдать? Пусть его тело познает тысячи мужчин! Когда он нахлебается горя, как думаешь, продолжит ли он меня ненавидеть? Скорее всего, когда я спасу его из этого ада, он будет благодарен мне до гроба!

— Тогда тебе лучше быть поумнее и одним ударом отправить его в преисподнюю. Помнишь, когда я был в поместье, меня подставили с кражей семейной реликвии? Чжуан Фэй, не моргнув глазом, взял вину на себя и чуть не покончил с собой осколком фарфора. — Чжуан Цинхун поднял глаза, в них сияла ясность. — Он кажется кротким, но у него горячее сердце, он превыше всего ценит чувства. Ради меня он опустил на дно. Какие у тебя есть рычаги давления, чтобы заставить его жить и терпеть муки?

Ци Цзин задохнулся от ярости — он не мог найти ни единого слабого места! Он закашлялся, чувствуя тяжесть в груди. Исчерпав все аргументы, он сдавленно бросил:

— Если Чжуан Фэй узнает, что ты так легко распоряжаешься его жизнью, он разочаруется в тебе!

Чжуан Цинхун легкомысленно улыбнулся и парировал:

— А ты сможешь заставить его в это поверить? Ты даже не можешь встретиться с ним. Смешно.

— Ты... хорошо! Очень хорошо! — Ци Цзин рассмеялся от злости, словно внезапно что-то осознав. — Он ради тебя одного готов на всё. А если я предложу то, что заставит его сердце дрогнуть, как думаешь, что он сделает?

Сердце Чжуан Цинхуна дрогнуло, он почувствовал неладное. В голове мелькнула мысль, и он тут же нашел ответ, но внешне остался невозмутимым, словно Ци Цзин лишь пытался запугать его. С презрением он бросил:

— Делай что хочешь. Ты забыл, каково наше положение. Он предан мне и ради меня готов на всё; а я...

Он не закончил фразу, но смысл был ясен — ему было совершенно плевать на жизнь Чжуан Фэя.

Ци Цзина едва не хватил удар. Чжуан Цинхун только что сказал, что то, чего он, Ци Цзин, добивался как величайшего сокровища, для него — сущая безделица, о которой он даже не задумывается. Ему хотелось прибить Чжуан Цинхуна, но он лишь холодно усмехнулся:

— Неужели?

Затем он развернулся и ушел. Сейчас он был связан по рукам и ногам и вынужден отступить.

Он знал, что у Чжуан Цинхуна острый язык, но не ожидал, что разговор с ним будет таким мучительным. Его красноречие, которым он раньше восхищался, теперь заставляло его желать вырвать ему язык!

Однако из слов Чжуан Цинхуна он понял, насколько тот важен для Чжуан Фэя. Значит, Чжуан Фэй обязательно клюнет. Хотя доказательства были уничтожены, что мешало создать новые? Подделка или подлинник — всё зависит от того, как на это посмотрит человек.

Ци Цзин успокоился. Даже если Чжуан Цинхуну действительно наплевать на Чжуан Фэя, после того как Чжуан Фэй окажется в его руках, возможностей избавиться от Чжуан Цинхуна будет предостаточно. И тогда Чжуан Фэй увидит истинное лицо Чжуан Цинхуна — как может бездушный человек быть достоин любви Чжуан Фэя!

Чжуан Фэй так дорожит этим человеком, что не сможет устоять перед доказательствами его невиновности и освобождения из рабства! Даже если придется использовать это как приманку, ему всё равно. Чжуан Фэй в конце концов полюбит его!

Чжуан Цинхун открыл дверь и неожиданно увидел Чжуан Фэя, стоявшего на пороге. Он замер, в сердце закралась тревога. Увидев за спиной Чжуан Фэя Сяоши, он понял, что говорить нельзя, и заволновался еще больше.

— Господин... кто-то приходил? — Чжуан Фэй подошел к нему с недоумением в глазах. — Мне показалось, я слышал шум. Кто-то устроил переполох?

Чжуан Цинхун посмотрел на Сяоши. Тот, очевидно, слышал всё, кроме тех слов, что были сказаны шепотом. Хотя он старался казаться спокойным, в его глазах читалась тревога.

— Ничего особенного, просто невоспитанный слуга, — Чжуан Цинхун посмотрел на Сяоши, затем похлопал Чжуан Фэя по плечу и мягко произнес: — Я тебя разбудил?

— М-м, — Чжуан Фэй был слегка раздражен. — Не успел поспать, как... какой-то слуга оказался таким невоспитанным.

При этом он взял Чжуан Цинхуна за руку и стал незаметно выводить знаки на его ладони.

Чжуан Цинхун, чувствуя прикосновения, равнодушно ответил:

— Ничего важного, не волнуйся и не лезь в это.

Чжуан Фэй поджал губы:

— Господин, вы всегда так... Ладно, я пойду.

Сказав это, он вместе с Сяоши покинул Павильон Дождя и Снега.

Я ЗНАЮ. Чжуан Цинхун погладил свою ладонь, прижал ее к груди. Я тоже знаю, Чжуан Фэй. Ты никогда не сомневался во мне, но и никогда не смел поверить, что я люблю тебя. Даже так...

Отойдя подальше от Павильона, Чжуан Фэй остановился и спросил Сяоши:

— Что ты слышал?

Сяоши поспешно опустился на колени, его лоб покрылся холодным потом. Наконец, собравшись с духом, он решительно ответил:

— Какой-то невоспитанный слуга, кажется, взял что-то у господина Учэня, вот они и поспорили.

Это было в точности то, что сказал Чжуан Цинхун.

Чжуан Фэй тяжело вздохнул и посмотрел вдаль:

— Ты молодец. Господин оказал мне великую милость, и я не могу не отплатить ему. Я — заходящая луна, а ты... сделай вид, что ничего не знаешь, и тогда с тобой ничего не случится.

Он не слышал всего, но и не хотел допытываться.

Сяоши успокоился. Он посмотрел на Чжуан Фэя. Его хрупкая спина выглядела такой одинокой, что у Сяоши сжалось сердце. Он вдруг вспомнил слова тетушки Цин: Глубокие чувства не живут долго.

Но он был лишь пылью под ногами, ничем не мог помочь, лишь хранил молчание, чтобы не доставлять хлопот главному павильону. Он считал себя глупым и боялся, что по неосторожности навредит Чжуан Фэю.

Такая преданность, но, к сожалению, господин Учэнь ее не ценит! Сяоши впервые заметил, что под роскошным и красивым одеянием павильона скрывается глубокое отчаяние и печаль.

Похоже, сегодня он окончательно вывел Ци Цзина из себя.

Чжуан Фэй сидел на кушетке у окна, глядя в небо. Реальность отличалась от того, что он себе представлял. Он не думал, что Ци Цзин пойдет вымещать гнев на Чжуан Цинхуне. Кто такой Чжуан Цинхун? Разве мог Ци Цзин найти у него утешение?

Он думал, что сегодня они порвали навсегда, и гордость Ци Цзина не позволит ему снова явиться в Башню Длинного Ветра. Хотя всё пошло не совсем так, как он ожидал, это не вызвало у него паники.

Но Ци Цзин... поистине бессердечный человек. Когда ему надоел Чжуан Цинхун, он без колебаний втоптал его в грязь. Теперь, когда очередь дошла до него, всё повторилось.

Впрочем, это можно понять? Люди в положении Ци Цзина считают в порядке вещей бросать других, а если бросают их — в них закипает ярость.

Какая странная логика: захотел проучить новую пассию и пришел срываться на старой. Может, потому что Чжуан Цинхун — самый близкий ему человек в Башне? Чжуан Фэй потер подбородок. Или Ци Цзин хотел через уста Чжуан Цинхуна запугать его самого?

Жаль, но его надеждам не суждено сбыться. Чжуан Цинхун не стал бы раскрывать ему ни слова из того, что хотел Ци Цзин.

Хотя он всё услышал, он пропустит это мимо ушей.

Собирается Ци Цзин бороться с ним или нет — ему уже всё равно.

Правда, из-за этого план придется немного изменить — теперь действовать будет даже легче, Ци Цзин сам сделал ему подарок. Он думал, что для свободы нужно беспокоиться только о давлении Хун Ли — пусть он умрет из-за ее принуждения или при попытке побега, неважно. Чжуан Цинхун уже обрел свободу, а он внес свою лепту и навсегда останется в его сердце — умереть будет не жалко.

Если вмешался Ци Цзин, то его смерть будет выглядеть более естественной.

Убийство на почве страсти — разве это не обычное дело в любую эпоху?

Только он подумал об этом, как пришел слуга и передал, что Князь Дин настаивает на встрече.

Чжуан Фэй опустил веки, уголки губ слегка дрогнули. Когда он снова открыл глаза, от всего его облика веяло невыразимой печалью, а глаза покраснели.

Ци Си пришел попрощаться.

Для вана-феодала пребывание в Цзинду и так затянулось.

Почему он тянул так долго? Возможно, у него были другие важные дела, или он хотел, чтобы другие не заподозрили неладное, а слава павильона, цветущего, как хризантемы осенью и весна весной, была хорошим предлогом. Тем более, что он обещал выкупить его? Поэтому перед отъездом он обязательно должен был зайти попрощаться.

И это прощание — шанс, которого ждал Чжуан Фэй, шанс вырвать Чжуан Цинхуна из этого болота.

Ци Си любил красоту, и, увидев Чжуан Цинхуна, не мог не заинтересоваться. Стоит ему забрать Чжуан Цинхуна на побережье Восточного моря, как в процессе общения он обязательно оценит его, а может, следуя логике мира, и полюбит. Покинув Цзинду, Чжуан Цинхун лишится оков, но ему понадобится подходящий статус.

Это не проблема. Будь то как друг или как возлюбленный, Ци Си обеспечит ему лучший статус, разве стоит беспокоиться о доступе в высшие круги?

Сейчас слова Ци Цина подтвердили, что доказательства для пересмотра дела Чжуан Цинхуна не уничтожены, но сам он уже ничего не мог сделать. Он знал принцип: не войдя в логово тигра, не достанешь тигренка, но не мог гарантировать свою безопасность. Нельзя рисковать малым ради великого, иначе всё пойдет прахом.

Даже если так, он выполнил контракт в несколько раз лучше, чем требовалось, и совесть его была чиста.

Чжуан Фэй последовал за слугой в Павильон Хуакуй. Павильон остался прежним, и Ци Си был всё тем же — сидел на полу у низкого столика, на его лице застыло выражение тоски и нерешительности.

Да, по сравнению с Ци Цзином, Ци Си был куда более свободен. Он не утруждал себя скрывать чувства, и теперь, придя попрощаться, наверняка был полон мыслей.

— Чжуан Фэй, ты пришел? В прошлый раз... — услышав, что Чжуан Фэй вошел, Ци Си поднял голову и улыбнулся, но, увидев бледное лицо Чжуан Фэя, встревожился: — Что с тобой? Тебе нехорошо?

Ци Си заметил неладное. Чжуан Фэй всегда был идеальным павильоном, который никогда не молчал при встрече с гостем, а тут просто опустил голову.

Услышав вопрос, Чжуан Фэй вздрогнул.

Наконец он поднял голову — по его худым щекам катились слезы. Сделав два шага вперед, он грациозно опустился на колени перед Ци Си. Его движения всё еще были полны изящества, но после поклона он долго не поднимался.

Ци Си на мгновение замер.

— Чжуан Фэй хочет просить Ваше Высочество об одной услуге, — голос Чжуан Фэя был ровным и чистым, в нем невозможно было уловить интонацию. Если бы не слезы, Ци Си подумал бы, что он ничем не отличается от обычного себя.

Ци Си хранил молчание, внимательно и с недоумением разглядывая его.

Чжуан Фэй, конечно, не ждал ответа. Он догадывался, что Ци Си сейчас раздражен, ведь человек, который ему нравился, мог оказаться лишь лицемерным и алчным существом.

Конечно, Чжуан Фэй не мог позволить ему и дальше так думать.

— Ваше Высочество, вы хвалили мою красоту, — Чжуан Фэй поднял голову, следы слез исчезли, лишь на широких рукавах остались влажные пятна. Он улыбнулся, словно вспомнив что-то прекрасное, в его глазах зажегся свет, когда он посмотрел на Ци Си. — Есть человек, чьей красоте я и в подметки не гожусь.

Ци Си не проявил любопытства, лишь продолжал изучать его, пытаясь понять, что у того на уме.

— Вы хотели выкупить меня, а я отказал — это было невежливо с моей стороны. А теперь, прося вас снова, я чувствую глубокий стыд, — Чжуан Фэй с трудом улыбнулся, но улыбка вышла горькой. — Надеюсь, вы не станете винить меня за дерзость и спасете еще раз.

Он замолчал, не глядя на Ци Си с мольбой. Его руки, сцепленные в замок, слегка дрожали — он просил о помощи, но не хотел становиться угрозой.

Он предоставил Ци Си объективные условия для размышления: если тот поможет, он расскажет всё подробно; если нет — он не станет настаивать и портить их отношения.

— Как я могу тебе помочь? — Ци Си приподнял бровь. Он не стал долго раздумывать, как ожидал Чжуан Фэй, а быстро ответил: — Хочешь, чтобы я снова поговорил с Хун Ли о выкупе?

— Благодарю вас, Ваше Высочество, — Чжуан Фэй покачал головой. — Боюсь, это не поможет. Матушка Хун Ли не согласится легко, а если и согласится, то заломит цену. Это потребует огромных затрат, разве может Чжуан Фэй так поступить?

— Тогда как? — нахмурился Ци Си. — У тебя есть идеи?

Чжуан Фэй спокойно кивнул:

— Да.

Ци Си кивнул, предлагая ему говорить.

— Я стал продажным не по своей воле, — Чжуан Фэй сжал зубы, склонившись к Ци Си. Помолчав, он продолжил: — Вы милостивы к Чжу Чжу и, должно быть, слышали, что я был слугой — это не ложь. Я был слугой господина Учэня. Господин прогневал знатную особу, и матушка Хун Ли, не влюбив его, заставила его опуститься на дно. Господин оказал мне великую милость, и я не могу отплатить ему даже ценой жизни... Матушка Хун Ли держит меня в руках. На Цветочной улице я не властен над собой. Та особа знает, что господин в порядке, и теперь жаждет мести. Я в безвыходном положении и прошу лишь об одном: спасите господина, спасите меня!

Чжуан Фэй опустил голову и не увидел блеска в глазах Ци Си. Тот протянул руку и мягко коснулся его черных волос.

— Значит, ты хочешь, чтобы я увез господина Учэня?

<http://bllate.org/book/21679/2236340>